

БИОГРАФИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

И.В. ГОЛУБОВИЧ (УКРАИНА)

Статья посвящена рассмотрению феномена биографии в контексте основных тенденций современного социогуманитарного знания и его кардинальных трансформаций. Особое внимание уделено разработке философского подхода к биографии и теоретико-методологическому обоснованию исследования данного феномена в междисциплинарном поле гуманитаристики.

Ключевые слова: биография, биографический подход, биографический метод, саморефлексивность и нарративность человеческой жизни.

Проблематика, связанная с феноменами биографии и автобиографии, стала одной из центральных в современном гуманитарном знании. Биографический подход в многообразии своих проявлений приобрел статус междисциплинарного и занял устойчивую нишу в социологии, психологии, литературоведении, социальной и культурной антропологии, исторической науке и т.д. С 1970–1980-х гг. наблюдается своеобразный ренессанс в области биографических исследований¹, сопровождавшийся сменой концептуальных оснований,

¹ Скокова Л.Г. Біографічний метод в соціології: історія і специфіка застосування: автореф. дис. ... канд. соціол. наук/ Інститут соціології НАН України. Київ, 1999. С. 10.

переориентацией на интерпретативные стратегии, концентрацией внимания на уровне субъективно-личностных значений и смыслов, которые организуют биографические практики. Между тем «биографическая» ниша в структуре humanities была «занята с боями» – ученым-гуманитариям до сих пор приходится отстаивать свое право на исследовательский интерес к феномену биографии и на приверженность биографическому подходу (обращаем внимание на весьма симптоматичное название работы известного современного исследователя автобиографической традиции Филиппа Лежёна²). Это право постоянно оспаривается противниками слишком наивного, по их мнению, биографического жанра и слишком ненаучного биографического подхода. Их аргументы небезосновательны: стремление подменить содержание и динамику той или иной сферы социальной жизни, культуры, науки, искусства галереей портретов-жизнеописаний ее ведущих представителей, во многом сдерживало развитие гуманитаристики, равно как и некритически воспринятая мода на «биографический метод» в его позитивистском исполнении (в частности, «лансонизм»). Однако оппоненты «недооценили» противника и не заметили появления «нового биографизма / автобиографизма», выросшего на иных, антипозитивистских основаниях.

Философия сегодня осмысливает эти тенденции и вырабатывает собственные методологические стратегии анализа биографии и биографического нарратива. Отметим в этом контексте работы Э.Ю. Соловьева, В.А. Подороги, А.П. Огурцова, Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко, В.И. Толстых, Н.В. Мотрошиловой, М.С. Уварова и др.³ Интерес российских философов к феномену интеллектуальной биографии нашел воплощение в таких коллективных проектах, как «Драма советской философии», «Философия не кончается», «Философия России второй половины XX века»⁴. В современной украинской философии к осмыслению феномена биографии и анализу биографического подхода обращались А.Л. Валевский, В.И. Менжулин, В.Г. Табачков-

² Лежён Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет ; пер. с франц. Б. Дубина // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 108–123.

³ Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Э.Ю. Соловьев. Прошлое толкует нас. М., 1991. С. 19–66; Автобиография. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии № 1 : сб. науч. работ; науч. ред. В.А. Подорога. М., 2001; Огурцов А.П. Биографический метод // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 266–267; Киященко Л.П., Тищенко П.Д. Опыт предельного – стратегия «разрешения» парадоксальности в познании // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004. С. 232–259; Мотрошилова Н.В. Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт. М., 2007; Толстых В.И. Мы были. Советский человек как он есть. М., 2008.

⁴ Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (Книга-диалог) ; сост. и ред. В.И. Толстых. М., 1997; Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. В 2 кн.; под. ред. В.А. Лекторского. М., 1998; Неретина С.С. Философия России второй половины XX века – Михаил Константинович Петров. М., 2010.

ский, Т.А. Чайка, В.И. Оноприенко, И.В. Валявко, М.Ю. Савельева, О.А. Довгополова и др.⁵ Особую роль в философской институционализации этих исследований может, на наш взгляд, сыграть проект «Отечественная философия в пространстве “устной истории”» (инициатор Т.А. Чайка), чьей трибуной стал главный философский журнал Украины «Філософська думка». На его страницах в рамках рубрики «Прикосновение. Устные истории философов» публиковались беседы Татьяны Чайки с Сергеем Борисовичем Крымским – выдающимся украинским философом, два года назад ушедшим от нас. В основе этого годового «биографического» цикла⁶ – более 20 часов аудиозаписей, осуществленных в разные годы. В аудиоархиве Т. Чайки еще около 100 часов биографических интервью с известными философами Украины. Оформление философской биографистики идет со значительным опозданием по сравнению с биографистикой социологической или исторической. Так, уже много лет активно действует созданный историками Институт биографических исследований при Национальной библиотеке Украины имени В.И. Вернадского.

По всей видимости, философия опаздывает с освоением биографического материка отнюдь не случайно. Как подчеркивает В.И. Менжулин, это происходит во многом из-за того, что философы в большей степени, чем художники (в широком смысле слова) или представители иных гуманитарных департаментов, избегают индивидуального и, следовательно, стремятся быть автономными от биографии. Этот момент Менжулин зафиксировал через так называемый парадокс биографии философа: философы, как правило, хотят думать, что их мысль, устремленная к всеобщему и универсальному, не зависит от того, как складывается их жизнь⁷.

Биография (биографическая традиция, биографическое письмо) нуждается в аутентичной теоретической доктрине и методологической базе прежде всего для того, чтобы соответствующим образом ос-

⁵ Велевский А.Л. Основы биографики. Киев, 1993; Менжулин В.І. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні. Київ, 2010; Табачковський В.Г. В пошуках невтраченого часу: нариси про творчу спадщину українських філософів-шестидесятників. Київ, 2002; Чайка Т. Доторк. Презентація проекту «Усні історії філософів» // Філософська думка. Спецвипуск: Феномен радянської філософії. 2009. № 3. С. 140–145; Оноприенко В.І. Флоренские. М., 2000; Валявко И. Частные архивы Дмитрия Чижевского в контексте написания его интеллектуальной биографии // Філософські пошуки. Львів; Одеса : Cogito – Центр Європи, 2004. Вип. XVII–XVIII. С. 636–642; Довгополова О.А. Проект жизни как вариант отторжения обжитого пространства // Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Методологічні проблеми сучасного гуманітарного знання. Одеса, 2007. Вип. 11. С. 37–46; Савельева М.Ю. Философ на троне: Штрихи к портрету Екатерины Великой. Киев, 2006; Савельева М.Ю. Биографическое знание как проблема // Curriculum Vitae: збірник наукових праць. Вип. 1. Біографічний метод у гуманітарному знанні. Одеса, 2009. С. 6–15.

⁶ Чайка Т. Бесіди з Кримським // Філософська думка. 2011. № 1–6.

⁷ Менжулин В.І. Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні. Київ, 2010.

мыслить свои перспективы в современной гуманитаристике, – заявляет украинский философ А.Л. Велевский, автор проекта «биографика» (в определенном смысле «философская биографика»)⁸.

Цель такого философского анализа может быть сформулирована как *двуединая*. С одной стороны, в исследовательском поле должна оказаться биография как социокультурный феномен, характеризующий прежде всего, но не исключительно индивидуально-личностное измерение социального бытия и культуры. С другой стороны, анализу необходимо подвергнуть основания, познавательные возможности и границы биографического подхода в гуманитарном знании. Цель – *двуединая*, но одновременно и *двуединая*. Оба аспекта должны предстать во взаимодействии, взаимопересечении, взаимодополнительности. Эта взаимосвязь основана как минимум на презумпции саморефлексивности самой жизни, которая в свою очередь также нуждается в прояснении в биографическом контексте.

Конкретный материал и предметное поле для биографического анализа могут быть самыми разнообразными в зависимости от выбора исследовательской стратегии и целей, от методологических пристрастий. Велевский говорит о трудностях выделения «биографического факта» из «исторического факта» и «факта жизни». Речь в конечном итоге идет о методологически и тематически обоснованной реконструкции «биографического факта»⁹. Этим статусом будут наделены совершенно разные предметности: для официальной биографии – «внешние» значимые события, для психобиографии – «внутренние» побуждения и переживания, для установки «биография как миф» – «мифотема», явленная в метаморфозах единого мифа отдельной жизни, смене ее фаз-образов, или «миф-символ» («исходный символ», «ген» жизненного сюжета, содержащий множество потенциальных возможностей).

Биография как социокультурный феномен может быть исследована под разным углом зрения, с точки зрения разных методологических позиций. Чтобы обосновать специфику нашего анализа и теоретико-методологического инструментария, прежде всего обратимся к аргументации разграничения гуманитарных и общественных наук, предложенной украинским философом А.Л. Богачовым и опирающейся на идеи Э. Гуссерля и Х.Г. Гадамера¹⁰. Предметы гуманитарных наук (история, литература, искусство) самым очевидным образом связаны с жизненным опытом людей, а предметы общественных наук (государство, общество, экономика и т.д.) нуждаются в методичном абстрагировании, что создает «идеальность» научного опыта и скрывает их связь с «жизненным миром». Учет также разграниче-

⁸ Велевский А.Л. Основы биографики. Киев, 1993.

⁹ Там же. С. 37–38.

¹⁰ Богачов А.Л. Філософська герменевтика. Киев, 2006. С. 267–268.

ние внутри гуманитаристики, предложенное российским методологом Н.С. Розовым: «социальная культурология» и «гуманитарная культурология»¹¹. Первая изучает аспект социального мира, связанный с преемственностью систем культурных надличностных образцов, а вторая имеет дело с индивидуально-личностным измерением культуры и работает с культурными текстами в широком смысле этого слова. Мы не считаем удачным использование термина «культурология», неоправданно сужающим, на наш взгляд, зону применения данного разграничения внутри humanities. Нам важен сам его проблемный смысл, зафиксированный еще и в появлении внутри общегуманитарного знания исследовательских областей, которые сами себя дополнительно именуют «гуманитарные», «гуманистические» («гуманистическая социология», «гуманистический психоанализ», «гуманитарная историография» и т.д.¹²). Ранее мы обращались к проблеме двойной «гуманитарности» и «гуманистичности» в рамках гуманитаристики¹³.

Такая внутренняя тавтология не случайна. Она как раз и основана на особом внимании к индивидуально-личностному, «человеческому», «человекомерному» измерению культуры. Как подчеркивает В.С. Библер, «развертывание духовной культуры в истории заключается в ее перематывании из безличной формы всеобщности в личностную форму культуры индивида»¹⁴. Этот процесс постоянного «перематывания» и является предметной зоной «дважды гуманитарных» областей. Внутри них устанавливается требование максимума субъектности и обязательной персонализации культурных смыслов. Э.Ю. Соловьев, писавший о «гуманитарной историографии» в контексте обоснования специфики биографического анализа, понимал под ней широкую панораму историко-философских, культурологических и биографических исследований, объединенных по общему основанию: исследование должно представлять собой историю идей любого порядка и сложности как драму в лицах, разыгрываемую в конкретной исторической ситуации.

Обозначенные нами «гуманитарные» области ориентируются и ориентируют на представление о соразмерности, соравности истории и личности. Внимание уделяется «человеческому лику» истории. В пределе сама история понимается как лик личности. Вводится ме-

¹¹ Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. С. 11.

¹² Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: учеб. пособие. М., 1998; Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас. С. 19–66.

¹³ Голубович И.В. «Гуманитарные» и «гуманистические» области внутри Humanities: постановка проблемы // Наукове пізнання: методологія та технологія. 2002. № 10. С. 104–106.

¹⁴ Библер В.С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М.: Наука, 1975.

тодологический запрет поиска основ социальности, культуры вне личности (в ее конкретно-биографической и ситуационно-исторической уникальности), поскольку личность признается средоточием и истоком историчности и социальности. Данное ограничение не является абсолютным и самодовлеющим. «Гуманистическая» и «социальная» гуманитаристика должны находиться в отношениях взаимодополнительности.

Исследованию феномена биографии и специфики биографического подхода сквозь призму «двойной» гуманистической нагруженности гуманитарного знания соответствует следующий комплекс теоретико-методологических оснований и предпосылок, который мы считаем лишь вариантом из множества возможных:

1. «Философия жизни» в трактовке В. Дильтея, во многом опиравшегося на романтическую традицию и романтическую транскрипцию жизни и «исторической индивидуальности». В русле нашей проблематики особенно важными являются следующие положения дильтеевского варианта «философии жизни»: культурно-историческая («сверхжизненная») интерпретация жизни; обнаружение первичных структур человеческого опыта жизни именно в истории и социокультурном бытии; идея саморефлексивности жизни («жизнь толкует жизнь»), ее внутренней автобиографичности; требование понять жизнь из нее самой.

Существенным также является учет дильтеевского обоснования специфики «наук о духе» и их категориально-методологического профиля. Это позволит более точно определить место и роль биографического дискурса в структуре humanities, а также методологические подходы гуманитаристики (как актуально реализованные, так и потенциально возможные) к анализу биографического/автобиографического опыта, его онтологической укорененности в социокультурном бытии. Важен для нас также тезис Дильтея о «беспредпосылочности богословской экзегезы», который может быть истолкован в более широком смысле как имеющий отношение к специфике гуманитарного знания в целом. Беспредпосылочность понимается в данном случае как воля «руководствоваться только историческим исследованием, ни в коем случае не каким-нибудь настроением или тенденцией, и эта воля, упрочившись, должна стать натурой ученого»¹⁵. При этом Дильтей подчеркивает, что такого рода «беспредпосылочность» не может быть реализована без предварительной «подвижной гипотезы» и без исходной мировоззренческой и теоретической «направленности собственного духа» исследователя.

¹⁵ Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики // В. Дильтей. Собр. соч. В 6 т.; пер. с нем. под ред. В.В. Библихина и Н.С. Плотникова. Т. 4. Герменевтика и теория литературы. М., 2001. С. 15–235.

2. Герменевтика («онтогерменевтика») в разнообразии своих вариантов (концепции Ф. Шлейермахера, И. Дройзена, В. Дильтея, М. Хайдеггера, Х.Г. Гадамера, П. Рикера и др.). В методологическом плане мы опираемся на основной онтогерменевтический постулат: понимание – это способ бытия человека в мире. Жизнь сама внутренне герменевтична. «Выразимость», представленная, в частности, в дильтеевской триаде: переживание–выражение–понимание, – фундаментальная характеристика жизни. Наиболее органичные социокультурные формы «выразимости жизни» – автобиография и биография. «Ренессанс» биографического подхода в гуманитаристике связан с развитием и переинтерпретацией на современном этапе его «герменевтической» составляющей. В трансдисциплинарном поле биографических исследований специально выделяется «герменевтический» подход (наряду с «социоструктурным»)¹⁶. Такая герменевтическая переориентация биографического подхода диктует необходимость нового «прочтения» классических теорий понимания и интерпретации и обнаружения в них еще не использованного теоретико-методологического потенциала.

3. Концептуальные положения феноменологической и экзистенциалистской традиций. Это прежде всего концепция «жизненного мира» Э. Гуссерля, феноменологическая интерпретация процедур смыслоконституирования и конструирования социокультурной реальности, презумпция «первопорядковости моего Я», которое «конституирует все, когда-либо оказывавшееся для меня объективным»¹⁷. Мы опираемся также на положения феноменологической социологии А. Шюца о «смысловой структуре повседневного мира» и о «конечных областях значений» («субуниверсумах реальности»)¹⁸. Социальная реальность в данной традиции – это совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью. В рамках такой интерпретации анализируется смыслоконституирующая роль биографического/автобиографического опыта.

В традиции экзистенциализма глубоко продумана идея «первоисторичности» («внутренней историчности») человека (К. Ясперс, М. Хайдеггер). Жизнь рассматривается в свете «бытийно-исторической ситуации», «пограничной ситуации», она понимается не столько как естественно-историческая, сколько как смысловременная действительность, как «трагедия и драма» (Х. Ортега-и-Гассет). Это позво-

¹⁶ Скокова Л.Г. Указ. соч.

¹⁷ Гуссерль Э. Картезианские размышления ; пер. с нем. Л.В. Складнева. СПб., 1998. С. 198.

¹⁸ Шюц А. Дон Кихот и проблема реальности ; пер. с англ. В. Степаненко // Философская и социологическая мысль. 1995. №. 11–12. С. 144–169; *Он же*. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии ; пер. с англ. А.Я. Алхасова, М.Я. Мазлумяновой. М., 2003.

ляет по-иному организовывать биографический дискурс, вводить в него «ситуационный», «персонажно-драматический» и «судьбический» ракурс, осмысливать «события жизни» в свете «события бытия», а также выстраивать/реконструировать биографию через типологию личностных экзистенциальных ролей (роль как «удел», «призвание», «миссия», «призвание», «фарс», «трагедия» и т.д.).

4. Структурно-семиотический подход, в частности в версии Ю.М. Лотмана. Рассмотрение в данной традиции культуры как текста, сложно устроенного и распадающегося на иерархию текстов в тексте, позволяет глубоко продумывать и плодотворно использовать модель «жизнь как текст», представлять ее в единстве «событий жизни» и «событий текста». В данной традиции разработаны процедуры корректного соотнесения экзистенциального и нарративного измерений жизни-биографии. В семиотической концепции культуры феномен биографии осмысливается в контексте взаимодополнительности индивидуально-личностного и объективно-надындивидуального измерений социокультурного бытия, как «мерцающая», «пульсирующая» точка их пересечения. Индивидуальная жизнь-биография способна при определенных условиях «репрезентировать» (подобно «монаде» Г. Лейбница) целую эпоху или определенный тип культуры.

В свою очередь история того или иного надындивидуального социокультурного образования может быть представлена как «биография» (нации, группы, сообщества), т.е. в «просопографической» перспективе. «Просопография» в данном контексте понимается как междисциплинарная область исследований, ориентированная на создание «коллективных биографий», «коллективных портретов» различных социальных групп и сообществ¹⁹. Есть и другая трактовка просопографии как специальной исторической дисциплины, реконструирующей биографии конкретных исторических личностей определенной эпохи, региона или общества и использующей в условиях недостатка данных методы и материал генеалогии, ономастики, демографии, источниковедения²⁰. Вместе с тем даже в таком специфическом понимании задач просопографии эта дисциплина определяется как составная часть социальной истории, тесно увязанная «с идеей коллективной, но в то же время и индивидуальной биографии». Цель просопографии: «изучение истории групп (как элементов в политической и социальной истории), достигаемое выделением последовательности личностей, имевших определенные общие политические и социальные характеристики, и затем анализирующее каждую такую

¹⁹ Огурцов А.П. Биографический метод // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 266–267.

²⁰ Петрова М.С. Просопография как специальная историческая дисциплина (на примере авторов поздней античности Макробия Феодосия и Марциана Капеллы). СПб., 2004.

последовательность с помощью разнообразных критериев для получения информации, относящийся к конкретным индивидам... Соответственно просопография позволяет связать политическую историю людей и событий со скрытой социальной историей длительных эволюционных процессов»²¹.

Возможность индивидуализирующего «биографического» представления надындивидуальных феноменов (биография нации, города, сословия и т.д.) была осмыслена еще И. Дройзеном. Он считал, что «право на биографию» надличностные исторические феномены приобретают в том случае, если в них ярко проявляется индивидуальное своеобразие, импульсивность, «гений»²². Есть и другие возможности сопоставления личных и надличностных нарративов. Об этом в отношении «биографии нации» говорит Б. Андерсон²³. Общее проблемное поле, дающее право на указанное типологическое сопоставление, очерчивается уже сопоставлением самих критериев–понятийных оснований: память личная – память культурно-историческая, личная и культурная самоидентичность, личная и историческая генеалогия, индивидуальная смертность и историческая конечность этносов и т.д. Речь идет об определенной изоморфности индивидуальной жизни и бытия надындивидуальных социокультурных феноменов. Под изоморфностью будем понимать совпадение (одинаковость) структуры объектов, рассматриваемых в определенном отношении²⁴. В данном случае возможность представить изоморфными личность и этнос задается указанными нами критериями, характеризующими их структуру (строение): память, генеалогия, идентичность, конечность. Однако следует помнить, что речь идет именно об изоморфности, а не об изосубстратности (совпадение по «материалу»). На это различие указал А.И. Уёмов²⁵. Можно также говорить о гомоморфизме индивидуального и надындивидуального, также исключительно в указанном отношении. В понятии «гомоморфизм» зафиксирован принцип уподобления (не соответствия или совпадения!) структуры объектов. Следует различать «гомоморфный образ» и «гомоморфный прообраз». Первый существенно упрощает структуру второго, «склеивает» ряд его элементов²⁶. В отношении представления личности/индивидуальной биографии и общности/коллективной биографии с позиций

²¹ Петрова М.С. Указ. соч. С. 8.

²² Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории ; пер. с нем. Г.И. Федоровой. СПб., 2004. С. 417–418.

²³ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L. ; N.Y., 1983.

²⁴ Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. Одесса, 2000; Бирюков Б.В. Изоморфизм и гомоморфизм // Философский энциклопедический словарь ; редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Арад-Оглы и др. 2-е изд. М., 1989. С. 209.

²⁵ Уёмов А.И. Указ. соч. С. 31.

²⁶ Бирюков Б.В. Указ. соч.

гомоморфизма обнаруживаются вариативность и альтернативность. Так, возможно рассматривать в качестве гомоморфного прообраза индивидуальную жизнь, а следовательно, и индивидуальную биографию. В таком случае коллективный субъект и коллективная биография предстанут упрощенным, «склеенным» гомоморфным образом. Такая перспектива (только перспектива, но никак не детализация!) обозначена, как нам представляется, в концепции Дильтея, исходящего из идеи первоисторичности личности, что мы анализировали в п. 1.

В то же время модель просопографии, которую описывает известный историк М. Петрова, концептуально связана с представлением о социальной общности и коллективной биографии как гомоморфном первообразе и об историческом персонаже/ его почти полностью утраченной биографии как о гомоморфном образе.

Ученые, исследующие феномен биографии, говорят о гомологии между реальностью жизни и реальностью рассказа о ней (такова, в частности, ключевая идея немецкого социолога Ф. Шютце, предложившего модель нарративного интервью для биографического исследования). Идея гомологии заложена уже и в хайдеггеровском различии-соединении истории как свершения и как рассказа. Вместе с тем, по мнению известной российской исследовательницы биографических нарративов и жанра «устных историй» Е.Ю. Мещеркиной, с учетом указанной гомологии наиболее продуктивным будет методологический анализ «зазора», который существует между двумя реальностями – свершения события и рассказа о нем. «Концептуализация этого зазора представляет одну из интереснейших задач биографического дискурса»²⁷. В качестве указанного зазора могут рассматриваться иллюзии, объективные и субъективные ошибки, рефигурации опыта события в рассказе и т.д. Сам зазор неизбежен и необходим. Рассказывая свою жизнь, мы создаем форму (имеющую зазор с реальностью), посредством которой распознаем в этой жизни то, что без этой формы никогда не увидели бы. Данный круг проблем нуждается в отдельной самостоятельной разработке, которая нам представляется весьма плодотворной. И вновь подчеркнем, что любые теоретические обобщения в этом контексте должны быть основаны на изучении конкретного историко-культурного материала, а опасность редукционизма должна быть четко осознана исследователями.

Концептуальная установка на взаимодополнительность – одно из важнейших теоретико-методологических положений исследования феномена биографии в культуре и биографического подхода в гуманитаристике, в любом междисциплинарном обличье такого исследования. Также методологически значимой представляется разработка в рамках структурно-семиотического подхода проблематики куль-

²⁷ Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61–67.

турно-исторической памяти, ее трансформаций. Биографический/автобиографический аспект – один из наиболее существенных в пределах данной исследовательской зоны. В целом соотношение культурно-исторической и биографической/автобиографической памяти является предметом исследования во многих областях гуманитаристики (в частности, в герменевтике П. Рикёра).

Необходимым, как мы уже указали, является обоснование специфики той области *humanities*, в рамках которой применение биографического подхода будет наиболее плодотворным. Кроме дильтеевского анализа проблемно-методологического профиля «наук о духе», актуализировавшего ценность биографических исследований, использованы также концептуальные основания методологии гуманитарного знания, предложенные М. Бахтиным. Представление социокультурного мира как мира «текстов и смыслов», внутренний диалогизм, полифоничность; этическая ориентация гуманитарного знания, разработанная в рамках «философии поступка»; включенность «этого» *Humanities* в методологию гуманитарного исследования; этико-методологическая установка на «любовное созерцание» – вот существенные для нас черты концепции Бахтина. Они были учтены и его последователями, в частности Л. Баткиным в его модели «научной гуманитарности», ориентированной на принцип максимума субъектности (не субъективности!). У самого Баткина она нашла конкретное выражение в исследовании величайших автобиографических текстов европейской культуры: «Исповеди» Августина, «Истории моих бедствий» П. Абеляра, «Исповеди» Ж.Ж. Руссо²⁸.

5. Методология качественного анализа в социологии, социальной и культурной антропологии, социальной психологии. Она может быть учтена на уровне базовых концептуальных подходов и исследовательских стратегий. Речь идет прежде всего об «обоснованной теории» (А. Страус и Б. Глейзер), которая характеризуется отсутствием предварительной концептуализации предмета исследования и ориентацией на генерирование понятий и категорий дескриптивным путем через «насыщенное» (плотное) описание (термин и стратегия К. Гирца).

Еще одно замечание: методология задается спецификой предмета исходя из базового герменевтического принципа: субъект понимания сам принадлежит предмету понимания, а «в предикатах, которые мы высказываем о предметах, заключены и способы постижения»²⁹. Авторы, «ангажированные» жанром биографии (в его научном, литературном и повседневном понимании), невольно и сознательно перено-

²⁸ Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М., 2005; *Он же*. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. М., 1994.

²⁹ Дильтей В. Указ. соч. С. 135.

сят «законы жанра» в собственное исследование. Так, «персоноцентричность» феномена биографии может спровоцировать такую же «персоноцентричность» разговора о ней. К примеру, Дильтей и Лотман, уделившие особое внимание разработке биографического подхода в гуманитарном знании, были незаурядными биографами, создателями блестящих жизнеописаний, подлинными мастерами научной и художественно-научной биографической реконструкции. Они писали биографии и одновременно осмысливали теоретические проблемы биографистики. Менжулин, исследующий специфику биографического анализа в истории философии, предлагает ввести в эту область особый «персоноцентричный» субжанр – историю философии как интеллектуально-биографическую прозу, где исследователь ведет диалог не только с философскими идеями, но и с их авторами. Создатель произведений в духе такого субжанра при этом не должен забывать, что он – не *зеркало* биографий философов, а их *автор*³⁰.

В многочисленных исследованиях, так или иначе затрагивающих проблемы биографии, часто не проводится четкого исходного понятийного разграничения. В частности, нередко в качестве синонимов используются термины «биографический метод» и «биографический подход». Последний фиксирует направленность исследовательского интереса (интенциональность) на биографическую проблематику во всем многообразии ее проявлений: биография как социокультурный феномен, как литературный и научный жанр, совокупность методов анализа биографического/автобиографического материала в различных областях *humanities* и т.д. Его широта и категориальная размытость, нечеткость, а следовательно, отсутствие понятийно-категориальной жесткости и приверженности той или иной методологической позиции позволяют исследовать многообразие форм биографического опыта, биографического дискурса, равно как и форм рефлексии над биографическим/автобиографическим опытом, оснований укорененности «биографического» в глубинных структурах культуры. Это, как нам представляется, соответствует специфике философского анализа.

Приверженность биографическому подходу в лучших своих образцах для ученого-гуманитария означает признание особой важности, неустранимости из гуманитарного исследования этической составляющей. В вариантах, представленных нами, она нашла выражение в идее внутренней сопричастности «биографическим персонажам» истории, культуры, литературы, нелитературных «наивных» жизнеописаний; в особом, методологически обоснованном, «любовном созерцании» чужого биографического опыта. Этическое кредо оказывается одновременно и методологическим принципом, глубоко осмысленным, в частности, в культурной антропологии и в «качест-

³⁰ Менжулін В.І. Вказ. твір.

венной» социологии, где ученый, особенно исследователь биографических нарративов — это неизбежно «подопытный наблюдатель» (Н. Козлова), постоянно держащий в уме «биографическое априори» собственного, претендующего на объективность, но все же неизбежно субъективного описания. Этически ориентированная гуманитаристика вводит презумпцию «доверия» биографическому/автобиографическому повествованию, уважения к его смыслам, часто непонятным и чуждым самому исследователю. Она не может не испытывать определенную «робость» перед лицом биографического опыта и не чувствовать ответственность перед ним. Изучение биографий и автобиографий в такой установке означает и нравственный отказ гуманитария от ролей: глядящего в замочную скважину «любопытствующего»; судьи, присвоившего себе в силу привилегированной «постфактумной» исторической позиции право судить; детектива-сыщика, отправляющегося в погоню за тайным, часто специально утаенным; разоблачителя, срывающего «биографические» и «автобиографические» маски, ищущего за фактами «высокой биографии» низкие мотивы, и т.д. Ярко выраженный этический компонент имеет и предложенный Лежёном проект «автобиографического соглашения». Напомню, Лежён назвал «право на автобиографию» одним из неотъемлемых прав человека, одновременно призывая не использовать это право во вред другим, вторгаясь через собственное «пространство автобиографии» в чужую жизнь, нарушая столь же неотъемлемое право на ее приватность. Биографический интерес во всех его проявлениях, общественно-публичных и научных, приводит во взаимодействие внутренний и внешний суд, совесть и правосудие, связывает «биографическое» право и ответственность.

Современное гуманитарное знание дает возможность выбрать различные стратегии исследования биографии. Одновременно в осмыслении данного феномена возможно их совпадение. Существенным соединением в фокусе биографического является представление феномена в синтетическом единстве онтологии, феноменологии, антропологии и методологии гуманитарного знания. Так, у Дильтея «философия жизни» оказывается онтологией автобиографии/биографии и одновременно ее гносеологическим и методологическим элементом. Сама жизнь при этом понимается как онтологично автобиографичная и биографичная. Феномен биографии и научно оформленный интерес к нему, по Дильтею, лежит в основании фундамента всего здания «наук о духе», пронизывает все области гуманитаристики. Один из вариантов дильтеевского «построения» ее основ: основополагающие для наук о духе категории «жизнь» и «значение» в первую очередь применяются к биографии, которая становится исходным пунктом исторического повествования. Затем на основании того, что переживается на опыте человеческой жизни, можно создавать идею науки, которая излагает этот опыт в обобщенном и отрефлекси-

рованном виде, – так возникает идея антропологии. Далее происходит переход от биографии к идее «универсальной истории». Через рассмотрение жизни отдельного человека (биографии и автобиографии), ее последовательное в различных направлениях обобщение и универсализацию возводится все здание/храм «наук о духе»³¹. У Бахтина биографический/автобиографический проект становится одной из важнейших составляющих его синтезирующей архитектоники. Он представляет *онтологию* «единой единственной жизни» в свете собственного видения метафизики, а также «первой философии» как этики и одновременно философии поступка. В контексте признания фундаментальной диалогичности культуры и высшей «внутренней социальности» корни биографии обнаруживаются, таким образом, в глубинах *социальной онтологии*, в устройстве и структуре самого «социального космоса» как «мирового симпозиума». Далее он разрабатывает адекватную такому видению *гносеологию* без «гносеологизма» и соответствующую *методологию*, которая становится методологией гуманитарного знания. Им прописаны и основания *феноменологии* конкретного осуществления (проживания, переживания) жизни в ее уникальной единственности³². Humanities стремится, таким образом, тем или иным способом удерживать свое проблемно-тематическое единство, что мы и попытались показать на примере биографической проблематики.

Ученые-гуманитарии выполняют свою во многом трагическую (в силу ее трагической невыполнимости) миссию атлантов и кариатид, удерживающих на плечах и поднимающих, представляющих, высветляющих основания социокультурного бытия. Одновременно они ощущают на плечах «невыносимую легкость» таких оснований. Ведь только они в состоянии в интеллектуальном воображении представить себе почти немислимое – культуру, где люди больше не знали бы, что значит рассказывать, и людей, больше не имеющих опыта, которым можно было бы поделиться³³. Такая пугающая перспектива может быть как минимум отсрочена, пока существует биография. Тем не менее гуманитарий первым должен заметить пугающие перспективы самой биографии – возможность оказаться лишь пустой формой, лишенной своего уникального и одновременно универсального культурного смысла.

³¹ Гротгейзен Б. Предисловие немецкого издателя // В. Дильтей. Собр. соч. В 6 т.; под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. М., 2004. Т. 3. С. 39.

³² Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // *Он же*. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 7–181; Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Там же. С. 361–374; Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. С. 80–160.

³³ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе; пер. с франц. Т.В. Славко. М., 2000. С. 36.